

Я родилась в национальном поселке Кондинском Ханты-Мансийского округа – крае, богатом лесом, ягодой, пушшиной, дичью. А ещё очень хорошими людьми. Там принято угощать всех пришедших в дом, не расспрашивая, кто, откуда, зачем. А попавшему в беду соседу отдавать половину своего имущества. Многие кондинцы до сих пор ключи прячут под ковриком. А жизнь между тем там всё хуже и хуже.

Главная беда моей родины – нефть. Почти пятьдесят лет назад государство начало варварски добывать “чёрное золото” в нашем районе. В край, куда “только самолётом можно долететь”, устремились вахтовики. Жажда денег затмила всё, в считанные дни погибли хвойные леса и пойменные луга. Местная поэтесса Алла Копьёва написала такие строки:

Может, это был. А может, небыль.
Может, перепутал что-то ветер...
Там, где буровые смотрят в небо,
Был кедрач, остался только пепел.

Тридцать лет назад здесь жили кондинские манси, говорившие на восточном диалекте мансийского языка. Этот диалект умер вместе с его носителями. Прервано естественное течение жизни. Всем понятно: тайгу сгубило дикое освоение Севера. По неписанным правовым нормам ханты, манси и лесных ненцев человек не должен наносить земле никакого урона. Не только нарушать её поверхность,

но и не оставлять следов. Если дети, играя, бросаются в снег, то взрослые учат их этого не делать, потому что зверь оставляет след, и по этому следу его находит охотник. А есть такие участки земли, по которым вовсе нельзя ступать (это, как правило, священные земли). Тогда к подошвам привязывают бересту.

Эта норма вступила в прямой конфликт с отношением к земле “цивилизованного” населения, которое непрерывно копает и заливаает всё кругом нефтью. Оторвав маленький народ от земли, власти, будто в издевательство, сделали его преступником: по статистике, каждый четвёртый житель посёлка имеет одну – две судимости, примерно столько же умирает от рака, алкогольных отравлений, несчастных случаев. Причина гибели моего народа проста: полностью подорвана материальная основа лесо- и рыбодобычи: что-то приватизировали, что-то разворовали. А значит, нет работы, нет денег. А стало быть, нет продуктов, медикаментов, необходимых для нормальной жизни товаров...

При этом прав у оставшихся в живых – никаких. Депутаты с душой цвета нефти перед каждыми российскими выборами брезгливо объезжают национальные посёлки, удивляются живучести аборигенов, а затем, обменяв дешёвые подарки на голоса электората, скрываются на VIP-вертолётах.

В России нет более несовершенной законодательной сферы, чем та, которая призвана регулировать судьбу коренных малочисленных народов Севера и, собственно, самого Севера. В законах речь идёт о “кормящем ландшафте”, которым пользуются вся и все, но на этом ландшафте испокон веков живут люди. Им что-то положено, но по унизительному минимуму и только до тех пор, пока они живут на “ландшафте”. Но как только они выезжают на Большую землю, все их и без того мизерные льготы теряются.

Недавно с сыном смотрели американский фильм про подростков. Фильм как фильм, нам особенно приглянулся учитель физкультуры – обычный учитель, но представитель национального меньшинства, а значит, в отличие от других педагогов более социально защищённый, а сокращению так и вовсе не подлежит. И не важно, что он не живёт на “территории традиционного обитания”. Американский законодатель понимает, что, если уж цивилизация выжила с родных мест аборигена (или сам он добровольно уехал, что в принципе одно и то же), то он имеет право на льготы на территории всей Америки. И он, чувствуя к себе такое отношение, где бы ни был, постарается сохранить в себе национальную самобытность, язык предков и привить всё это детям.

А теперь посмотрим российские реалии. Скажем, представитель народа ханты или манси по состоянию здоровья или просто так решит переехать, например, в Рязанскую область. Что он там будет иметь? Бесплатное здравоохранение? Образование? Право на жилье? Уверенность, что его не сократят на работе (если, конечно, она есть)? Как бы ни так. Зато социальная среда изобилует анекдотами про представителей северных народов. Поэтому их представители всё чаще пишут в документах, что они русские, а про характерные монголоидные черты лица говорят, что бабушка была казашкой или татаркой...

Читаю статью Аркадия Тишкова, профессора, доктора географических наук, академика РАН, почётного работника охраны природы, вот что он пишет: “Сравните – сколько забот и внимания к интересам хозяйствующих субъектов (компаний) на Севере. Их и президент принимает, их представители становятся министрами и продолжают работать на свои компании, целые группы депутатов лоббируют прохождение „нужных“ законов и постановлений, практически всё федеральное природно-ресурсное законодательство прописано под них. Будучи основной силой бюджетообразования в регионах, они, по сути дела, сами ставят и снимают губернаторов, формируют региональное законодательное собрание и, соответственно, законодательство”.

Поэтому сейчас мы имеем ряд социально значимых законодательных актов, где попросту “забыли” о людях коренных северных народностей, будь то пенсионная система или защита водных территорий (акваторий). Нельзя не согласиться с профессором Тишковым, который определяет основные критерии решения проблем малых народностей.

Главное – право на свою землю (территорию), которая дом родной, “кормящий ландшафт”, где нашли покой предки.

Второе – право на сохранение традиционного уклада, языка, культуры и обеспечение преемственности традиционных знаний. Без назойливого навязывания со стороны властей “образцов развития”.

Третье – право на традиционное использование биоресурсов: кормовых угодий, промысловой фауны, рыбы, недревесных ресурсов леса и пр. с сохранением своих приоритетов над пришлым населением и освоителями.

Четвёртое – право самим отстаивать свои интересы по всей вертикали власти, иметь гарантии представительства в них, создавать свои органы самоуправления.

Пятое – юридически закреплённые права самим контролировать экологическую и ресурсную ситуации на территориях проживания и ведения традиционного хозяйства, участвовать в принятии решений по любому вопросу, затрагивающему интересы малочисленных северных народностей, требовать проведения и участвовать в экспертизах проектов, осуществляемых на их землях.

Интересное наблюдение: многознающий Интернет при поиске научных исследователей Сибири выдаёт А. Регули и М.А. Кастрена, которые ездили по Иртышу, Северному Уралу и Нижнему Приобью в... 1843–1845 годах. Далее читаем: “С конца 1880-х гг. по первые годы нового столетия был собран такой огромный материал по обско-угорской мифологии, верованиям, как будто было предчувствие грядущего векового запрета на эту тему...”.

Но сейчас прямого запрета нет – и всё равно серьёзных исследований никто не проводит. А зря. Ведь ещё буквально до 30-х годов прошлого столетия у угорских народов не было письменности. И история народа передавалась из поколения в поколение в устной форме, чем и вызвано многообразие фольклора этих народов. Вот она, кладовая для учёных, художников, поэтов, сценаристов! Но странным образом мы больше осведомлены о культуре и образе жизни американских индейцев, чем о собственных, таких же маленьких и не менее самобытных народах. Даже в отдельно взятом Ханты-Мансийском округе дети в школах, как правило, не знают о хантыйских писателях и поэтах...

Правительство округа каждый год выделяет деньги для научных и культурных исследований, которые “осваиваются” одними и теми же людьми. Активно и своевременно пишутся отчёты. Но всё происходящее не имеет отношения к современной жизни. Давно не новость, что почти на всех руководящих должностях на Севере – люди пришлые, не скрывающие чисто экономического, проще говоря, «баблового» интереса, попутно насаждающие свои обычаи, культуру, понимание форм хозяйствования. Аборигены же стоят на бирже труда, и считается, что в этом ничего зазорного для них нет. Не говоря уж о том, что они не имеют практической возможности выехать куда-либо, чтобы элементарно подлечиться...

Что (или кто) кроется за всем этим позором? Почему быть коренным жителем в своей стране – позор, а не гордость? Ответы на эти вопросы, конечно, есть, но их заглушает ласкающий уши власть имущих шум нефти в трубах.